

Елена Ярилина Колдовская любовь

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=592675
Колдовская любовь: роман: Центрполиграф; Москва; 2008
ISBN 978-5-9524-3852-1*

Аннотация

Тоня Кострикова девушка, каких много. Работа библиотекаря и ежедневная рутина нагоняют на нее тоску, и только друзья – ветреная Симка и молчаливый Тимоха – наполняют жизнь Тони радостью и надеждой. Из-за безудержной Симиной тяги к приключениям девушки попадают в комичные, а порой и опасные ситуации. Им на помощь всегда приходит преданный Тимоха. Но никто из них даже не задумывается о том, что юность коротка, каждого ждет непредсказуемая взрослая жизнь, в которой придется балансировать на грани между ненавистью и любовью...

Елена Ярилина

Колдовская любовь

Кире Захаровой посвящается

У нас в деревне народ такой смешно-ой! Взять, к примеру, Марюткиных: в субботу всей семьей ловили поросенка, ох и картина же была! Поросенок у них худой да пронырливый, то и дело убегает. Пятачком своим лаз под загородкой пророеет и деру! В процессе ловли сам Марюткин рассадил себе руку об гвоздь в заборе, матюгался! Марюткина упала в лужу, вся испачкалась, хуже этого самого поросенка, да еще колено расшибла, тоже орала. А улизнувший поросенок набегался по деревне, нагулял аппетит и ближе к вечеру сам домой пришел, да пряником к кормушке. Или еще пример: в прошедшее воскресенье Бабаниха белье стирала, стала белье развешивать, я как раз мимо шла. И только-только я с ней поравнялась, притормозила и думаю, здороваться мне с ней или нет, как она в этот момент с табуретки и свалилась! Падая, схватилась за веревку и так умудрилась в мокром белье запутаться, что мы с Тимохой вдвоем, тоже мимо проходил, еле-еле ее распутали. Сначала Бабаниху из белья выкрутили, а потом долго возились с табуреткой, все никак не могли отцепить от здорового белого лифчика. Белье, конечно, грязнее грязи, зато Бабаниха хоть и причитала, но целая осталась. Вот так у нас почти каждый день, не одно, так другое, такая уж у нас деревня. Так, о чем это я? Не помню, да ладно, некогда мне, еще корова недоена, я Чернушку эту терпеть не могу доить, то ли дело Зорька была, рыженькая, ласковая, а эта просто злыдня какая-то!

Я внесла ведро с молоком, стала процеживать и услышала что-то странное: брум-брум, потом тудыть-растудыть началось, не иначе, как у меня галлюцинации сделались слуховые. Таким басом всегда отчим с матерью разговаривал, когда дома был, то есть это ему казалось, что он разговаривает, а на самом деле орал на нее да матом крыл. Может, еще какой пьяница забрел, на бутылку просит? У нас в деревне их хватает, впрочем, где их нет-то? Разлила молоко по банкам, вхожу в избу, и сразу же начинается у меня уже зрительная галлюцинация: сидит за столом отчим, еще страшнее, чем раньше был, то ли немый, то ли заросший такой, ложкой размахивает и орет. А маманя моя родная по зале летает, словно птичка, и улыбается от радости, а может, и от страха. Поставила она перед этим чучелом миску картошки с тушенкой, а я как увидела, что он картошку уминает не хуже соседского борова, поняла: галлюцинациями, к сожалению, не страдаю. Это каким же ветром его принесло? Амнистия была, а я не слышала? Что ж это у нас за правосудие, что без пяти минут убийцу через полтора года отпускают подобру-поздорову? Посмотрела я на него, посмотрела, потом опомнилась: что же я стою, глазею? Надо ноги уносить, пока цела. А он вслед мне орет:

– Куды пошла, курва? А ну вернись!

Я ушла к себе, но закрываться не стала, если буду у себя прятаться, он вовсе распояшется. Но кочережку все же под руку положила. Тут он ко мне вломился, ну чистая обезьяна.

– Я вернулся, хочу жизнь начать заново, а ты мне на нервы действуешь, зараза! Видно, мало я тебя учил, вот погоди, я уроки пропишу, и уж тогда на Тимоху не надейся, не век он тебя выручать будет. Вот тогда и посмотрим, кто в доме хозяин!

Мать сзади затеребила его за рукав:

– Паш, а Паш, ну что ты к девке-то привязался? Оставь ты ее в покое, Христа ради.

– Ишь жалельщица нашлась, разбаловала девку и все заступаешься!

– Дочь она мне, не чужая ведь. – Мать начала всхлипывать.

– Я в доме хозяин, по-моему жить будет, либо окажет мне уважение, либо вон отсюда!

Он говорил, а сам все косился на кочергу. Мать вздохнула, затеребила отчима сильнее, и он пошел за ней. Я бросила кочергу в угол и задумалась. Выходило, что в одном доме нам не жить, я по его правилам жить не буду, ну так и он по моим не будет! Жаль, дом папки моего покойного, большой, добротный такой дом. С любовью отец его строил для мамки да для меня, а теперь образина в нем барствовать будет. Эх, мамка, мамка! Вещички собирать надо и к бабке перебираться, мамке я все равно помочь не смогу, раз она ему в рот смотрит. На ночь я закрылась, но как рассвело, встала и пошла потихоньку, чтобы мать не видела, а то плакать станет. Бабулька моя всегда рано встает, так что я не боялась, что растревожу ее. Вот только вещи руки тянули, книг у меня всего десятка три, как на полке стоят, так вроде мало, а как нести, то тяжело. Только со двора вышла, а тут и Тимоха подвернулся, подошел, вещи перехватил, легко понес, что ему моя поклажа, так, пустяк один. Улыбается, на меня хитро посматривает. И я ему в ответ улыбнулась, для Тимохи улыбки не жаль, хороший человек он. Живо до бабулькиной избы дошли, а она на лавочке сидит, точно меня дожидается, овчину старую, вылезшую накиннула, солнце встает только. Я к бабульке подседа, а Тимоха в дом вещи понес. Бабулька меня к себе прижала, полой прикрыла, а сама теплая, пахнет от нее травами сухими, хорошо, сладко пахнет. Тимоха из дому вышел, поклонился в пояс. Манера у него такая, при встрече головы не наклонит, а как прощается, то кланяется, да и то не всем. Он ушел, а я у бабки спрашиваю:

– Ты что, ворожея? Откуда знала, что приду я сейчас?

Бабка проворчала:

– Не будет тебе жизни в отчем доме. У матери твоей сроду нормальных мозгов не было, а грехи наши большие, стало быть.

– А грехи здесь при чем наши, баб? – заинтересовалась я.

– А то не понимаешь? Раз Бог не прибирает к себе ворога этого лютого, а все на наши головы сваливает, значит, заслужили, и другой жизни не будет нам пока. – Бабулька, кряхтя, поднялась, я за ней. – В зале жить будешь, – на ходу обронила она. Я удивилась: где же еще, если комната одна в доме? – Я на кухню перешла, моим костям теплее там будет, – разъяснила мое недоумение.

У бабушки моей было трое детей: сын, мой отец, и две дочери. Одну дочь бык забодал. Вторая выросла и в город подалась, на завод. Кто говорит, что спилась она и померла от водки, кто утверждает, что от болезни умерла. Лишь один сын ее и радовал, ласковый был, от работы не бегал, пил только по праздникам, потом женился, свой дом выстроил, я родилась. Мне было десять лет, когда сосед уговорил его пойти на охоту, на дальние болота уток пострелять. С той охоты отец не вернулся. Сосед, что был с ним тогда, пришел на третьи сутки, без ружья и добычи, весь мокрый, грязный и в жару. А у нас и фельдшера тогда не было, старый умер, нового не нашлось. Сутки он в жару пролежал, собрались в райцентр его везти, в больничку, а он дорогой умер. Так никто и не узнал, что там на этой охоте произошло, а об отце с тех пор ни слуху ни духу, через три года бумагу матери дали, что считать, мол, его умершим. Мать года четыре одна мыкалась, а потом это свое сокровище выискала. Бабушка теперь хочет, чтобы я замуж вышла, детишек нарожала, мечта у нее такая – правнуков понянить.

Завтракали мы не спеша. Только я управилась с мытьем посуды, как в кухонном окне показалась Симкина голова. Увидела меня, закивала. Это она в дом войти боится, вот и шарит по окнам. Бабка к окну спиной сидела, Симка и не шумела, да у бабки и на спине глаза.

– Войди в избу-то, поздоровайся, как все люди, ишь моду взяла в окне торчать!

Симка, конечно, тут же прыснула. Я не выдержала и тоже засмеялась.

– Что ты к ней все цепляешься, бабуль? Она от тебя скоро заикаться со страху начнет.

– Да непутевая она, вот и цепляюсь, – насупилась бабка.

Я удивилась:

- Чем не угодила тебе? Вроде бы ничего плохого не делает?
- А я и не говорю, что плохо, только весу в ней нет никакого, тю – и нет ее.
- Легкомысленная, что ль?
- Я ж и говорю, весу нет.

Спорить я не стала.

Симку я нашла на лавочке, она ерзала и дрыгала ногами, завидев меня, захихикала:

– Тонька, у бабки теперь жить будешь?

– Буду, – вздохнула я.

– Ой! Я как узнала, что твой отчим вернулся, обмерла вся со страху! Правильно сделала, что ушла, а то он тебе и вторую ногу сломает!

Я только вздохнула. Она уж к другой теме перешла:

– Купаться пойдём? Братишка сказывал, водица теплая-ая!

– Да ребятне она и в апреле теплая, но попробовать можно. Подожди, пойду купальник надену.

Купаться мы ходим на речку, которую зовем Воровкой. Речка неширокая, есть места по колено воды, но есть и глубже.

– Как ты думаешь, Сим, – спросила я, щурясь от солнца, – Печоры называются так, потому что пещеры рядом?

– Эва сказала! Пещеры и от нас недалече, а мы вовсе даже Черныши, – возразила мне Симка, энергично отмахиваясь от назойливого овода. И вдруг загорелась. – А давай в пещеры слазим?

Я согласилась, может, там что интересное найдем? Нога у меня сейчас не болит, чего ж не слазить? Раньше никто про эти пещеры и не знал, они прошлой весной только открылись. Берег подмыло половодьем, целый пласт обрушился на той стороне, лаз и открылся. Мальчишки первые обнаружили, наши, чернышовские. Прибежали, кричат: «Там пещера маленькая!» Потом уж парни с девчонками полезли, фонарями посветили и увидели, что за первой маленькой вторая пещера побольше есть, а за ней еще две небольшие. Валяюсь на солнышке, пузо грею, мечтаю, когда в пещеры пойдём, прикидываю, что надо взять с собой, а Симка молчит что-то, уснула, что ли? Голову приподняла, вижу, она не спит, чертит что-то на песке, сопит, не иначе, как что-то случилось.

– Сим, – говорю, – не молчи, давай рассказывай, что у тебя стряслось? Мать отлупила небось?

Мать у Симки вспльчивая, чистый порох! Симка зарозовела и потупилась.

– Галочка приехала, вчера еще.

Меня словно мешком тяжелым по голове трахнули.

– И ты знаешь, – тут она пригнула ко мне голову и закончила зловещим шепотом: – Брюхата она, по-моему, Галочка-то.

– Ты ее сама видела?

– А то! Видела!

Бабулька полола в огороде грядки, я полезла ей помогать, но бабка замахала руками:

– Поди, я уж кончила все, скоро обедать будем. Дай вон Принцессе моей водицы, жарко, пить хочет.

Принцессой бабка зовет козу. Я напоила животину, подоила и отвела в тенек. В избе было прохладно, пахло травами и немного мышами, видно, кошка не очень справлялась. Бабка руки мыла, когда я спросила у нее, знает ли она, что Галочка приехала. По тому, как напряглась сутулая бабкина спина, поняла, что знает. Ближе к вечеру опять прибежала Симка.

– Тоньк, пойдешь на танцы? У меня платье новое, кра-а-сивое! Пойдем, а?

Я рассердилась: и чего пристаёт, ведь знает же, что не пойду. Раньше ходила, а как мне отчим ногу сломал, то и не хожу.

– На танцы не пойду, и не проси даже!

Симка вздохнула:

– Ну хоть в кино-то пойдешь со мной?

– А что за картина?

– Не помню, название какое-то длинное, старое, что ль, но про любовь. Пойдешь?

– Пойду. Ты чего, ты ж в платье хотела вроде?

– Ну хотела, да перехотела.

Народу на фильм пришло не так много, и все больше мальчишки. Я нахмурилась:

– Ты ж говорила, что про любовь?

Симка покраснелась слегка:

– Не знаю. И что ты ко мне сегодня цепляешься?

Где-то на десятой минуте фильма как начали палить, чувствую, надо уходить. Тут Симка меня толкает и шепчет:

– Я говорила, любовь будет.

Я мигом раскрыла глаза. На экране пышногрудая блондинка с каким-то небритым мужиком такую любовь изображали, что меня замутило. Глянула на Симку, а та сидит открыв рот, тарашится на экран, видно, что нравится ей все это. Я стала пробираться к выходу, подружка не заметила даже, так увлеклась. Совсем не стало в последнее время фильмов хороших, одни страсти-мордасти показывают. Иду я, бормочу себе под нос, вдруг слышу, что вроде гукает кто-то. Чудится, что ли? Клуб-то наш на отшибе стоит, а вдоль тропинки посадки густые. Симка вечером одна здесь ходить боится, да и другие девчата тоже. Ну, кто бы ты ни был, но не на такую напал, подобрала с тропинки ветку хорошую, иду себе. Дошла до места опасного, с одной стороны кустов нет, а есть ямища здоровая. Песок здесь раньше был хороший, вот и брали его, яма почти у самой тропинки и всегда теперь водой залита. Когда земля сырая, ноги так и норовят съехать в эту лужу. Я с умыслом остановилась здесь, пусть, думаю, покажется. А он еще погукал, да и вышел. Темно было, но я сразу узнала Семку Банникова, паршивого мужичишку. С какой стороны ни посмотри, а все неказистый, малый да щуплый, голова здоровая и руки длинные, аж ниже колен. То-то его ребята Марсианином зовут. Характер у него паскудный, как выпьет, так начинает колобродить, по деревне шатается, под окнами кричит, в собак камнями кидается, его уж учили мужики уму-разуму, да сколько такого ни бей, умнее не станет.

– Тебе чего надо, Семка? – спрашиваю.

– Тебя мне надо, больно долго в девках ходишь, помочь хочу.

– Помочь? Это ты хорошо придумал, ну так иди сюда, чего встал?

Он сильно удивился, чего это я не визжу и не убегаю, а палку в руке у меня не видит. А все же трусит. Потом решил, сделал шагок и сразу руки протянул, лапоть вздумал. Ну я ему и лапнула! Так палкой шарахнула, что он в лужу улетел. И тут что-то сделалось, лужа вздыбилась вся и завизжала. Луна выкатилась из-за облака, стало понятно: по тропинке впереди меня, верхом на громадной свинье, скачет Семка, держится за грязные бока своего скакуна и подвывает со страху, а свинья летит не знаю куда. Когда я пришла в деревню, там уже никто не спал, люди повыскакивали из домов, собаки заходились от лая. Я увидела механика нашего. В трусах, майке, но отчего-то в валенках, он держал в руках здоровый топор и нервно озирался по сторонам.

– Тонь, ты никого здесь не видела? – спросил меня неуверенно, когда я поздоровалась с ним. Видимо, сам не знал, на кого охотится с топором.

– Видела, – ответила я спокойно. – Семка Банников свинью оседлал и катается на ней.

– Тыфу ты, паралик его расшиби! Я уж думал, и правда чего случилось. Чтоб этот гад себе шею сломал! – С этим миролюбивым пожеланием механик ушел к себе.

Но народ еще долго не мог успокоиться.

Я вернулась домой, книжки расставила, осталось лишь подмести (сегодня ребяташки заходили, а после них всегда много сора), как дверь со скрипом отворилась и в нее просунулась голова Симки.

– Тонь, ну ты чего? Я тебя жду, жду, – обидчиво протянула она.

Я удивилась:

– А чего ты меня ждешь?

– У тебя память отшибло? Мы же договаривались с тобой в пещеры идти.

– Разве на сегодня уговор был? – засомневалась я.

– Да какая разница, сегодня или нет, ведь уговаривались же?

– Да ладно, чего ты кипятишься?

На другую сторону нас Марюткин переправил, у него покос на той стороне. Перед лазом я чего-то запнулась, Симка хихикнула и полезла вперед. Первая пещера оказалась маленькой и неинтересной, лаз во вторую – узким и страшно неудобным, но мы пролезли. Свет туда совсем не доставал, поэтому я зажгла огарок и подала его Симке.

– На, убогая ты моя, а то еще шею ненароком свернешь!

– Не дождешься! – клацнула она зубами.

– Подожди, давай уйдем, а? Глядеть тут нечего, не по нутру мне тут. – Я прислушалась, не то где-то что-то капало, не то шуршало. – Может, уж или змея?

Она взвизгнула и ломанулась бежать. Я – за ней следом. Как и надо было ожидать, в узкой щели она застряла и смешно задрыгала ногами. Я стала пропихивать ее, и тут до меня дошло, что лезем мы совсем в другую сторону.

– Симка! – ахнула я. – погоди дрыгаться-то, сейчас...

Но договорить я не успела, подружка заорала благим матом и исчезла. И что странно, больше не орала, только сопение слышалось и топтание. Может, зверь какой? – со страхом подумала я, вздохнула и тоже полезла. То ли нога подвела меня, но была я настолько неуклюжа, что упала головой вниз.

Когда я разлепила глаза, рядом со мной на травке лежала Симка, глаза у нее были крепко сожмурены, она стонала и скребла по траве руками, словно хотела собрать ее под себя побольше. Я пихнула подружку в бок.

– Домой пойдем?

– Тоньк, ты это? А медведь где?

– Вот горе-то горькое, совсем сдурела? Какой тебе медведь?

– А где мы?

– На речке, загораем, – уверенно ответила я, но тут же меня сомнение взяло, Симка была полностью одета, пошарив по себе рукой, я определила, что тоже не в купальнике. – Странно, – протянула я. – А ты не помнишь ничего?

– Медведя помню, сожрать меня хотел.

– Хотел бы, так сожрал.

Передо мной появились грязные загорелые ноги, пацаненок лет семи с большим интересом рассматривал нас, даже рот забыл закрыть.

– Вина, что ль, напились? – хихикнул он.

– Иди отсюда, а то уши надеру! – заругалась Симка и села, ошарашенно завертев головой. – А ведь это Печоры, Тонька, ей-богу, Печоры! – изумилась она. – Как же мы тут оказались?

С утра у меня на сердце было беспокойно. Ох и не люблю я такое настроение! Видно, надо завязывать по пещерам лазить, права бабка моя. Не верю я ни в какого медведя, мы с Симкой довольно тощие и то в некоторых местах еле пролезли, а медведь – зверь крупный, как он туда попал? А потом что же, он нас вынес лапами своими, да и уложил рядком у самых Печор? Симка так перепугалась, глаз не кажет четвертый день. Дверь заскрипела, я подняла глаза, ни дать ни взять – видение! На пороге стояла моя мать в ярко-красной шляпке с вуалью, синей вязаной кофточке и длинной черной юбке, на ногах у нее красовались лаковые туфли, слегка потрескавшиеся, но все еще нарядные.

– Здравствуй, дочка. – Голосок звучал неуверенно и слегка виновато.

Улыбка плохо держалась на ее губах, то и дело сползала. Ужасно было ее жалко, и в то же время брала злость.

– Что у тебя за праздник такой сегодня?

– Годовщина у меня, – потупилась мать.

– Как отец пропал?

– Свадьбы, – совсем покраснелась мать. – Мы ждем тебя, я и стол накрыла, хороший стол получился, посидим как люди.

– Как люди не получится! – отрезала я.

– Не придешь, значит? – Губы у матери задрожали, но я упрямо отвернулась, чтобы не смотреть в ее заискивающее, испуганное лицо.

Дверь за ней тихо закрылась.

– Вот овца! – специально растревляла я в себе злость, чтобы не зареветь белугой от жалости и тоски.

Не успела я передохнуть, как дверь хрястнула о стену, влетела возбужденная Симка и забулькала что-то нечленораздельное.

– Остынь, а не то закипишь, как бабкин самовар, – посоветовала я ей с раздражением, предчувствуя, что эта сорока принесла мне на хвосте не лучшие новости.

– Ромка приехал, представляешь?! – выбулькала она наконец.

– Ну и что? И так было ясно, что приедет, что ж такого?

– А то, свадьбу играть будут!

– Кто? – растерялась вдруг я.

– Иван Пихто! Ромка с Галочкой.

– Да она же беременная, ты сама говорила, какая же свадьба с животом-то? – Теперь уже я вытаращила глаза.

– Какая разница! – всплеснула руками Симка. – Теперь даже когда пузо на нос лезет, и то не стесняются, а у Галочки пока не очень заметно. Мать с бабкой мечутся как угорелые, варят, жарят, прямо пыль столбом. Водки накупили много и шампанского! Мамка моя тоже там помогает, они же нам родня, ты знаешь.

– А ты пойдешь на эту свадьбу?

Симка мигом опустила глаза и порозовела до самой шеи. Потом почему-то шепотом ответила:

– Не знаю еще.

– Пойдешь, значит, – заключила я.

Сегодня Ромкина свадьба. Значения она не имеет, он уже давно расписан с бывшей моей подругой, только вот сердце все равно щемит. Прошлым летом я каждый день спать ложилась счастливая и вставала радостная. Очень уж сильно я тогда Ромку любила. Чуб его пшеничный да глаза синие весь свет мне затмили. Только счастье мое коротким оказалось, даже до конца лета его не хватило. Врал мне Ромка, обманывал меня, а я, дурочка, верила, что он меня любит. Как узнала, что Ромка уехал, так недели две ходила будто в тумане, на

людей натыкалась. Но это еще не было самым большим горем, самое горькое случилось, когда я письмо от него получила.

«Никогда бы я на тебе не женился, зря ты надеялась. Кто же калеку замуж возьмет?» – вот так мне и написал, а клялся, что нога моя больная его не волнует. Потому теперь и сердце у меня болит. Но ничего, я справлюсь, я сильная. Вот и бабулька моя говорит, что мы, бабы, семижилные. Вон впереди роща, за ней два больших поля, а потом лесом идти, пока в Федосьину избушку не упруешься. Я раза три у нее была, и каждый раз меня поражало, что вроде нет никаких признаков жилья, а вдруг раз – и избушка! Бабулька все посмеивалась надо мной.

– Как же ты не чувствуешь ничего? И лес видать хоженный, и дымком попахивает, да и козлом, прости господи, подванивает!

Козу свою бабка у Федосьи выпросила. Федосья еще когда в деревне на окраине жила, то одну козу держала, а как в лес на житье подалась, так целую козью ферму развела. Чего-даиха говорила, будто Федосья с волками разговаривает, звериный язык, мол, знает. Вообще-то Федосья нездешняя, из города большого приехала, то ли из Москвы, то ли из Питера. Это давно было. Появилась она уже с Тимохой, когда ему годика два было, только он не сын ей, у них и фамилии разные. Уж не знаю, откуда люди взяли, но несколько лет назад я слышала, что Федосьина незамужняя сестра нагуляла Тимоху неизвестно от кого, родила его, да и оставила в роддоме. Федосья тогда замужем была за большим человеком, ничего не делала, наряжалась только. Потом случилось что-то, Федосья на мужа разозлилась, бросила всю свою сытую жизнь, забрала из детдома ребенка сестры и подалась сюда, к нам в деревню. Приехала она на машине, сама за рулем была, все глаза на нее вытаращили, в то время ни одна баба у нас в округе за баранкой не сидела. Денег у нее с собой было не густо, она и сменяла машину на избу. Была тогда у нас одна пустая, но крепкая, у самой околицы стояла. Да и то, без машины обойтись можно, а без дома как? Поначалу Федосья в совхозной конторе работала, и хорошо работала, да в скандал попала. В райцентре, в исполкоме по сельским делам, в ту пору мужик один был. Указания такие давал, что люди не знали, смеяться им или плакать. Вот с ним и схлестнулась Федосья. Мало того что возразила ему, так еще и от ворот поворот дала, когда он вздумал амуры с ней разводить, она ведь красивая. Ох и взбеленился этот начальник! Не только с треском ее уволил, но и такую бучу в районе поднял, что и в школу бедную женщину на работу не взяли. Деревенские наши решили, что уедет Федосья отсюда, а она осталась. Насадил огород, козу завела, травы стала лечебные собирать, большой талант у нее к этому делу оказался, даром что городская. Начальника того, ее обидчика, посадили вдруг года через два, проворовался, оказывается. Федосью назад в контору звать стали, да только не пошла она туда, гордая. К тому времени Федосья совсем молчаливой сделалась, и взгляд у нее стал такой, что не каждый выдержит. Слухи нехорошие про нее по деревне поползли, что, мол, не только травами она лечит, но и ворожит. Лечила Федосья хорошо, у нас так, кроме нее, никто не может, потому и ходили к ней по надобностям, в основном бабы, конечно. Бабулька моя к Федосье хорошо относилась и куском всегда с ней делилась. Когда Тимоха у Федосьи подрос, лет двадцать ему стукнуло, Федосья опять всех удивила: оставила его одного в избе жить, а сама ушла в старое зимовье в глубине леса. Кому очень надо, и туда к ней ходить стали, нашли дорожку, но вообще-то о ней чуть не забыли. Лишь бабулька моя навещала ее. Изредка и меня брала.

Я спланировала, что выложу продукты, передам от бабки привет, и назад, да не тут-то было. Никогда раньше Федосья не обращала на меня внимания, а тут всю меня оглядела. У меня внутри зябко стало со страху.

– Проходи, Антонина Дмитриевна, гостьей будешь, с утра поджидаю, – вдруг заявила она мне и улыбнулась.

Никогда не видела я ее улыбки, и представить даже не могла, что такие бывают, словно солнце в избу заглянуло. Не успела я опомниться, как уже за столом сидела, передо мной стояла чашка бледного, какого-то зеленоватого чая, а на плетеной тарелочке лежал темный кусок пирога с ягодами.

– Ты уж извини меня, – усмехнулась хозяйка, – что так скудно тебя угощаю, да только чай у меня весь вышел. Травяной вот завариваю, да и мука лишь ржаная осталась.

– Ой! Ведь бабулька прислала вам чай, а я, растяпа, забыла совсем. – Я вскочила, но она коснулась моей руки:

– Не суетись, пей чай, успеешь еще гостинцы достать.

Пока Федосья дела делала, я таскалась за ней повсюду как привязанная, и все говорила, говорила, словно впрок на десять лет наговаривалась. Федосья неспешно хозяйничала, помалкивала, а вот слушала или нет, непонятно. После грибной ее похлебки мне неудержимо захотелось спать.

– Сонные, что ли, грибы? – бормотала я, пристраивая голову на краешек стола.

Как перенесла меня Федосья на топчанчик, я даже не почувствовала. Проснулась теплая, разнеженная, вспомнилось, будто Федосья гладила меня по голове и еле слышно шептала что-то.

– Это мне все приснилось, – отмахнулась я.

– Вставай, Тоня, утро на дворе. Жаль, в баньке я тебя не попарила, ну да придет время, попарю еще.

Подол сарафана сразу же намок. А не искупаться ли мне? Я сориентировалась, в какой стороне речка, и побрела туда. Не прошла и километра, как впереди блеснуло что-то среди деревьев. Чудится, что ли, мне? Уж не околдовала ли меня и в самом деле Федосья? Но нет же, блестит! Мне стало стыдно за глупые мои опасения. Вышла я к маленькому глухому озерку овальной формы. Над водой стлался туман, и чувствовался какой-то странный запах. Я припомнила, что и у Федосьи в избушке стоял этот запах. Скинуть одежду было минутным делом, попробовала воду ногой и чуть не вскрикнула: вода в озерке была очень теплой, почти горячей. Так вот где Горячий ключ! Чем ближе к другому берегу, тем горячее, пузырьки воздушные лопались на теле, усиливая приятные ощущения, и запах стал гуще. Наплавалась я всласть, выжала из кос воду, и вдруг показалось мне, что кусты впереди шевельнулись. Пригляделась, а вдруг медведь? Торопливо стала одеваться, да на мокрое тело одежду быстро не натянешь.

Бабулька моя здорово удивилась, когда я про купание рассказала.

– Значит, правду люди говорили, что из-за этого озерка поселилась Федосья в зимовье и ведьмой сделалась.

– Ты чего, баб? Разве стала бы ты ходить к ней, если бы считала ее ведьмой? А ведь ходишь, и продукты ей носишь, и меня иногда с собой берешь.

– Хожу, – раздумчиво подтвердила она, глядя непонятно куда. – А ты все же не купайся больше там, странное это место, не людское.

О вчерашней свадьбе рассказывать она мне не стала, буркнула только, что шума много было. До вечера я переделала кучу дел, устала сильно, про утреннее купание забыла и думать, бабка мне о нем напомнила:

– Вода в том озере непростая, ох непростая! Федосья ведь не стареет нисколько, разве ж не чудно? Вот бабы и шепчутся.

– Как это не стареет?

– Сколько ты ей годов дашь?

– Ну, не знаю, может, лет тридцать пять, – неуверенно выдавила я.

– Ясно, – фыркнула бабка, – молодая ты еще, и невдомек тебе, что Тимохе-то уже самому за тридцать, а она с ним сюда не девочкой заявила, около тридцати-то ей всяко было.

Рот у меня сам собой открылся от удивления, надо же, а мне и в голову не приходило, что ей шестьдесят уже, и в самом деле чудеса.

При повороте к магазину я повстречала Тимоху, он нес, прижимая к груди, буханку черняшки.

После вчерашних разговоров с бабкой я с интересом оглядела его. Только волосы у него были похожи на теткин, такие же темные и густые, но ни малейшего помину Федосьиной красоты, какая жалость! Лицо простецкое настолько, что так и тянет назвать его дурнем. Я хорошо знала, что он совсем не дурак, просто не похож на других, да и немой к тому же. Я улыбнулась ему и пошла дальше, чувствуя, что он пристально смотрит мне в спину. В магазине было не протолкнуться, я измаялась, пока стояла в очереди, не только из-за духоты и мух, но и потому, что слышала обсуждение Ромкиной свадьбы. Кое-кто при этом косился на меня, но тут уж ничего не поделаешь, вся деревня видела, как прошлым летом мы с Ромкой гуляли. Выбравшись с облегчением на улицу, я остановилась у крыльца, чтобы примостить в сумке покупки, и на меня налетел незнакомый парень лет двадцати пяти, одетый в щегольские джинсы и белую рубашку с короткими рукавами. Он дико на меня глянул, я смутилась, и конечно же больная нога тут же подвела меня, я качнулась в сторону и с трудом обрела равновесие.

«Ах, чтобы тебе пропасть!» – мысленно пожелала я ему.

– Бабуль, не знаешь, что это за парень у нас появился, интересный такой? Почти вылитый твой любимец, баб.

– Это кто же такой? – нахмурилась бабка. – Нет у меня любимцев, кроме Тимохи.

– Тимохи, скажешь тоже! Любимец у тебя из «Скорой помощи», фамилию забыла.

– Джордж Клуни! Так, стало быть, красивый парень, понравился, значит, – пошлепала губами и вдруг выдала: – А не с Ромкой ли он приехал?

– Что было, ты просто себе не представляешь! Как он за руку меня взял, я просто обмерла вся!

– Да кто он-то? Говори толком, – хмыкнула я.

Мне не хотелось выслушивать Симкин отчет о свадьбе, но она была такая радостная, что сердиться на нее не было никакой возможности.

– Валера же, я тебе рассказываю, а ты не слушаешь меня!

– Откуда он взялся, Валера этот? – перебила я ее. – Из города приехал?

– Ну да, ты не перебивай! Музыку быструю завели, а он меня обнял и к себе прижал. Танцуем, я все думаю, как бы ему на ногу не наступить, вот позорище-то будет! А он мне на ухо шепчет: «Я и не знал, что в деревне девушки такие красивые». Представляешь?

– А дальше?

– А больше не было ничего, – порозовев, потупилась Симка.

– Совсем ничего? И что, больше он тебя танцевать не приглашал? – недоумевала я. – А на Клуни он, часом, не похож, ну на этого, из «Скорой помощи»? – озадачила я ее неожиданным вопросом.

Симка похлопала глазами, на лице подружки отобразился сложный мыслительный процесс, потом глаза ее стали вдруг совсем круглыми, а рот буквой «О».

– Батюшки! – всплеснула она руками. – А я все гадала, на кого же он похож? Ну точно, просто вылитый! – Симка аж привизгнула от удовольствия. Но вдруг улыбка с ее лица сползла, и она посмурилась и подозрительно осведомилась: – А ты откуда знаешь?

– Валеру твоего я у магазина встретила, если это он, конечно.

– Он, кому же еще быть? Такой красавчик, ну чисто принц, – мечтательно произнесла

Симка. – Эх, кабы и я кем-нибудь была! Хотя бы графиней, – выдала она заветную думку.

– Только графини тебе для счастья и не хватает!

– Совсем другое дело было бы, тогда он только со мной и танцевал бы, провожать бы пошел, не испугался бы.

Я ахнула:

– Постой, ты это о ком?

– О Хорьке! Ну и что? Плохой, по-твоему, парень? Он и на лицо ничего, и уважают его все, а не уважают, так боятся.

– Странно, что ты его не боишься, забыла, как он Светке Фоминой в клубе врезал?

– Да Светка сама виновата, нечего хвостом вертеть.

– Может, и сама, а только не оберешься ты от Хорька неприятностей.

История тогда и в самом деле вышла темная. Светка Фомина, на год старше нас с Симкой, была видной, ребята на нее засматривались, но она понятие о себе имела высокое и только фыркала на всех. Прошлой весной вернулся из армии Мишка Хорьков. Живет он не в нашей деревне, но навещает в наш клуб. Вернулся он, увидел повзрослевшую Светку и сумел в пять минут задурить ей голову. Любовь у них загорелась, на октябрь даже свадьба намечалась, да не состоялась. В середине сентября избил Хорек ненаглядную свою невесту просто зверски. Люди разное болтали, не то танцевать с кем-то пошла, не то глазки кому-то строила. Светка к какой-то родне уехала, а Хорек все так же гоголем ходит да водку глушит, и теперь вот Симку взялся охмурять. Настроение у меня совсем упало. Она тоже притихла. Послышались чьи-то взволнованные голоса, мимо палисадника кто-то, всхлипывая, пробежал. Симка вскочила, вытянула шею, потом крутанулась и побежала. Я не пошла за ней. На следующий день узнала, что Ромка, обидевшись за что-то на Хорька (и где они только схлестнулись?), пытался намять ему бока. Да видно, кишка оказалась тонка, тот сам ему накидал, еле-еле Ромка ноги унес, да и то дружок Валера помог.

В самом конце работы пришла вдруг Симка. Я с интересом оглядела ее: лицо бледное, глаза опущены, носом шмыгает, ну что такой вот скажешь? Однако по дороге она все же отошла, повеселела, обругала Хорька, пожалела Ромку, повосхищалась Валериным мужеством. Валерино участие в драке было маленьким, он просто залихватски свистнул и, когда Хорек на этот свист отвлекся, оттащил Ромку в сторону, вот и все его подвиги. Тем не менее я не мешала Симке восхвалять доблести городского рыцаря. Все же пусть лучше им восхищается, чем Хорьком, безопаснее как-то. Симка опять потускнела, шмыгнула носом.

– Я ведь его видела вчера.

– Кого? Хорька? – изумилась я.

– Валеру, он меня признал, сказал: «А, это вы, леди?»

– И все? Не густо. И что ты теперь? Будешь чахнуть от несчастной любви?

– Не буду. Но какой все же он красавчик! – тоскливо протянула подружка, посмотрела на меня искоса и добавила: – Пойдем в кино вечером, а?

Симка опоздала, я шла потихоньку вперед, думая, что она вот-вот меня нагонит, дошла до клуба, а там при своем невезении нарвалась на Галочку. Она со своей сестрицей Нинкой и приезжим красавчиком топтались с билетами в руках недалеко от входа. Хорошо, что хоть Ромки с ними не было, видно, раны зализывал. Тут и Симка нарисовалась, красная, запыхавшаяся. Увидела Валеру и перешла с бега на плавный шаг. Едва мы подошли с ней к кассе и встали в хвост очереди, как откуда-то словно из-под земли вынырнул Хорек. Симка демонстративно отвернулась, но Хорька такими мелочами не смутишь.

– Симпомпончик! – смачно хлопнул он ее по заднице.

– Ты что, дурак?!

От накотившей злости Симка забыла всякую осторожность, за что тут же и была наказана. Хорек схватил ее за волосы, спутав тщательно завитые и уложенные пряди.

– Проси прощения, курица, ну? Я долго валандаться с тобою не буду, враз урою!

Из глаз Симки от боли и унижения горохом посыпались крупные слезы, она привстала на цыпочки, безуспешно пытаясь отцепить его руку. Хорек, ехидно посмеиваясь, без всяких усилий цепко держал ее в своей власти. Я беспомощно огляделась. Вокруг нас словно образовалось мертвое пространство, все глядели с любопытством, но никто и не думал вмешиваться. Тут подсунулся один из приятелей Хорька, с улыбкой от уха до уха и недопитой бутылкой пива в руке. Вырвать из рук пьяного парня бутылку было минутным делом, а трахнуть ею Хорька по коротко стриженной голове и того меньше. Сноровки драться я не имела, поэтому удар вышел так себе, мало чувствительный, Хорек только удивился сильно. Тряхнув напоследок Симку так, что та, бедолага, отлетела к стенке клуба, он шагнул ко мне. Руки его угрожающе поднялись, но тут же бессильно упали.

– Привет, Тимоха! – угрюмо поприветствовал он возникшего за моей спиной спасителя. – Ты никак нанялся эту колченогую дуру охранять? За сколько подрядился-то? Али она тебе натурой платит?

Хорек кривлялся и зло балагурил, глядя куда-то поверх моей головы, видно в глаза Тимохе. Потом, круто развернувшись, врезал нетрезвому своему дружку, отчего тот согнулся пополам, процедил ругательство и ломанулся в кусты. Я облегченно перевела дух, Симка с глазами полными слез уже была возле и силилась улыбнуться. В кино мы с ней в этот вечер не пошли, не было уже никакой охоты, хотели возле речки на нашем любимом месте посидеть, да комары совсем зажрали, пришлось домой идти.

Июнь пролетел, словно его и не было, только грозами запомнился. Небо швырялось огненными вилами так часто и с такой силой, что земля гудела. В одну из таких душных и сухих грозовых ночей, когда не пролилось ни единой капли дождя, сгорел старый домишко Тимохи. Сгорел дотла, словно картонная коробка, хорошо хоть сам Тимоха смог выскочить. Перепачканные сажей, мы с бабушкой долго отмывались, потом сели чаевничать, ложиться уже смысла не было, солнце показало свой бок из-за дальних берез.

– Если бы хоть дождь был, – вздохнула я, грызя сушку. – Не повезло бедному Тимохе, прямо подлость какая-то.

Бабулька глаз не поднимала, а если и поднимала, то смотрела мимо меня.

– Подлость и есть, да еще какая! Чтоб у него руки и ноги отсохли, у проклятущего!

Я поперхнулась чаем.

– Ты про кого это, баб?

Она с укоризной, как на дите малое, посмотрела на меня:

– Я про того ирода, который избу Тимохи поджег и дверь подпер, вот про кого!

Вот тут я и испытала, что это такое, когда челюсть отваливается.

– Как же так? Да ты что? Да разве... Баб, ведь молния же!

– И полено под дверь молния твоя подставила? – осведомилась бабка, но без ехидства, а устало и печально.

– Да не видала я никакого полена, с чего ты взяла?

В ответ бабка погладила меня по плечу своей птичьей лапкой.

– Кто же эта нелюдь, баб, как ты думаешь, Хорек? – спросила я упавшим голосом.

– На Тимоху многие злы. Он держится сам по себе, в сторонке. А таких не любят и еще того простить не могут, что удачливый он.

– Ну ты и сказанула, баб, удачливый! В чем удача-то его, в том, что немой? Или что один живет в нищенской избушке на курьих ногах? Да и той теперь нет.

Бабка заулыбалась ехидно, отошло сердце немного, оттаяло.

– Молодая ты еще, вот и не примечаешь многого. Немой-то он немой, и домик был плоховат, не спорю, да только откуда знаешь, что нищенский, если не была в нем ни разу? А не подумала, на какие шиши он коней себе завел, а? Поначалу-то у него всего два конька было, цыгане украли, так он тут же купил еще лучше, да не два, а сразу пяток! Это тебе ведь не кот начхал.

– Господи! Я ж забыла совсем про них! А где же они, неужто сгорели? – И прикусила до крови губу, представив мечущихся в огне прекрасных животных.

– Сиди, чего вскинулась как ужаленная? Целы его кони. Не прост Тимоха, ох не прост! То ли почуял что, только коней он еще две ночи назад в лес перегнал. – При этих словах бабулька светло и молодо улыбнулась мне и победно вскинула голову, словно самолично все предвидела и разбила все коварные замыслы врага.

«Черт меня понес мимо магазина, – тоскливо подумала я, – нет чтобы задами прошмыгнуть. Вот стой теперь, препирайся с этим Валерой, когда уж он уедет отсюда».

– Да ты никак меня боишься? Тю, да ты покраснела, уж не влюбилась ли в меня, часом?

Я покраснела еще больше, дернулась, пытаюсь вытащить руку. С этим городским красавчиком ухо остро надо держать.

– Давай вечером часов в одиннадцать встретимся у сарая Ромкиного, у него там не сеновал, а прямо дворец целый. Приходи, не трусь, я тебя не съем.

– Никакой романтики в тебе не наблюдается, давай лучше у речки, не где купаются, а левее, там еще несколько камней больших.

– Вечером у речки сыро и прохладно, – пробурчал он. – Ну да ладно, я пиджак возьму.

Я развернулась и пошла, не заботясь на этот раз о своей походке, и ни разочка даже не хроманула, как ни странно.

Еле дождалась, пока бабулька уляжется спать, бесшумно растворила окно и выбралась наружу, похвалив свою ногу и попросив ее не подводить меня сегодня. Поеживаясь от прохлады и нервного озноба, я продвигалась от куста к кусту. Валера был на месте. В закатном, уже неверном свете лицо его казалось бледным и от этого еще более красивым. Я нервно сглотнула подкативший к горлу ком.

– Ты что, раньше с Ромкой гуляла?

От этого простого и в общем-то естественного вопроса все мое смущение как рукой сняло.

– Гуляла, – ответила я с вызовом. – Даже замуж за него собиралась, такой вот душой была, что верила всему, что он обещал.

– А по-моему, Ромка дурака сваял. Может быть, у них с Галочкой любовь случилась, только ты нисколько ее не хуже, и характер мне твой нравится.

– Да? – пролепетала я.

– А что? Ты храбрая, в обморок не падаешь и, что самое главное, не визжишь. Терпеть не могу, когда визжат. У меня от бабьего визга уши закладывает, а Галочка визжит то и дело, представляешь?

– Нет, не представляю, – честно призналась я. – А что мы все о ней говорим?

Он посмотрел на меня недоуменно, словно потерял вдруг нить разговора, и неожиданно начал хохотать. Я не выдержала и тоже прыснула. Солнце уже село, последние, слабые его отсветы догорали на небе. На свинцовой воде речки появилась рябь.

– И сильна же ты смеяться!

– Ага, ты тоже, да только намочит нас сейчас.

Не сговариваясь, мы взяли за руки и побежали, но еще на середине пути промокли вдрызг. В конце концов мы все-таки оказались на сеновале, но только на бабулькином. Я была настороже, близко к нему не придвигалась. Валера, однако, не делал никаких попыток приблизиться, рук не распускал, я и успокоилась. Он балагурил все время, собрал вокруг

себя изрядную кучу сена, назвал ее царским ложем и улегся, состроив значительную мину, царя из себя изображал. Я так и покатила со смеху, уж больно не вязалось такое надутое выражение лица с мокрыми, налипшими на лоб волосами. Он поднял руку и погрозил мне пальцем. От этого пустякового движения царское его ложе расползлось, и он съехал прямо на меня. Конечно, мы опять принялись хохотать, как-то все в этот вечер казалось смешным и забавным. Каким образом и когда мы от смеха перешли к поцелуям, я как-то даже и не заметила, до того естественно, само собой, это получилось.

– Ну?! – произнесла бабулька грозно. – Когда же это ты ночью заявила, я и не слышала даже?

– Ты спала, а что такого, чего ты всполошилась?

– Раньше ты с шалопутной твоей Симкой гуляла, а вчера разве ж с ней была? – Она посмотрела на меня уже не сердито, а грустно, и добавила: – Плохо с городским-то гулять, ай плохо!

На работе я весь день была туча тучей, отругала ватагу мальчишек за то, что шумели и журнал чуть не порвали. Взясась новую выставку ставить, все книжки повалила. От скрипа открываемой двери у меня так задрожали руки, что я подумала, что пришел Валера, хотя мы не договаривались. Но это был не он, а Симка. С независимым видом она вошла и принялась осматриваться. По столь несвойственному ей поведению я поняла, что подруга знает, где я вчера была, а главное – с кем. Вдоволь налюбовавшись книжными переплетами, Симка перевела мученический взгляд на меня, открыла рот, чтобы сказать что-то, но вместо этого заплакала. Я выскочила из-за стола, обняла ее, стала шептать что-то ласковое и невнятное на ухо, и Валера выбрал именно этот момент, чтобы войти. Увидел нас, оценил обстановку, попятился и исчез так быстро, что впору было подумать: уж не померещился ли он мне? Симка ничего не видела и не слышала, расслабленно хлюпая мне в плечо.

– И чего тебе все везет, Тонь? – спросила она дрожащим голосом. – Вот ведь хромая же, а ребята за тобой увиваются.

Никакой деликатности Симка не признавала в принципе, гордо именуя ее отсутствие честностью. Я молча похлопала ее по спине. На свою несчастную судьбу она жаловалась еще долго, потом предложила прогуляться. Я вздохнула, но согласилась. Но только из задуманной нашей с ней прогулки ничего не вышло, на улице меня поджидал Валера. Я просто обомлела, увидев его рядышком с сияющим мотоциклом. В руках он держал черный шлем, еще один, более потрепанный на вид, был приторочен к сиденью. Симка беспокойно затопталась рядом, тронула меня за локоть, но ничего не сказала, побрела, ссутулив плечи и шаркая по пыли. Не сговариваясь, мы вздохнули, проводив ее взглядом, Валера, как мне показалось, с облегчением, а я – от сознания, что так нескладно все у меня получается. Но зато, когда он пригласил меня прокатиться с ним в райцентр, сразу повеселела.

Затем была стремительная езда на мощном, рычащем звере и спина Валеры, к которой я с восторгом прижималась. От его клетчатой рубашки пахло одеколоном и немного потом. Теплый, сильный ветер бил в лицо, заставлял прятаться за его спину, не было никакой возможности разговаривать, но мне и без того было хорошо. В райцентре я бывала считанные разы. В детстве мне вообще казалось, что это место и есть Москва. Но и когда подросла, городок все еще был для меня достаточно привлекательным. Приехав теперь, я ощутила только недоумение и разочарование. Все вокруг казалось плоским и пыльным, словно декорации, давно отслужившие свой срок. Встрепанная курица рылась у покосившегося забора, пробежала рыжая собака с колтунами свалывшейся шерсти, и ни души. Но тут я заметила валяющуюся на земле возле остановки громадную бабищу с задранной юбкой и грязными ногами, покрытыми узлами вздувшихся вен. Лицо у нее было совершенно жуткое, какого-то сине-багрового цвета. По лбу и щекам ползали полчища мух, а она безмятежно дрыхла.

Из-за забора, спугнув курицу, вышел мальчишка лет четырнадцати, подошел к дрыхнувшей бабе и стал лениво пинать ее ногой в разбитой кроссовке. Мне стало нехорошо от этого зрелища, Валера потянул меня за руку, и я с облегчением тронулась за ним, не спрашивая, куда мы направляемся. Он остановился возле закуской и завертел головой, а высмотрев скамейку под кустом сирени, обрадовался.

– Посиди здесь, мне поговорить кое с кем надо, я быстро, не успеешь соскучиться.

– Валер, я так пить хочу, – стеснительно призналась я.

– Купи себе воды, – ткнул он рукой в сторону ларька, торговавшего всякой всячиной, и ушел.

Вздыхнув, я уселась на лавку, пить хотелось просто зверски, но денег у меня с собой не было ни копейки. Я возила ногами по земле, усыпанной шелухой от семечек и бесчисленными окурками, и гадала, зачем он потащил меня с собой, с таким же успехом я могла бы сидеть дома, даже лучше было бы.

– Что так долго-то? – проворчала я, завидев Валеру.

– У тебя, случайно, водички не осталось? – улыбнулся он мне в ответ. – Шашлык такой острый, что одной бутылки пива мало оказалось.

– У меня денег нет.

– Ну, значит, дома попьем, – рассудил он.

Ссадив меня за несколько метров от моего дома, Валера заглянул мне в лицо:

– Ты чего такая кислая, не понравилось кататься?

– Не понравилось, – твердо ответила я.

– Тебе трудно угодить, – вполне искренне удивился он, – другая радовалась бы.

– Вот и катай других. – И я вырвала руку, которую он схватил.

– Да какая муха тебя укусила, в самом деле? Ты всегда такая капризная? – Валера уже заметно сердился.

– Всегда. – Я почувствовала, что слезы наворачиваются на глаза, вот-вот потекут ручьем, и поторопилась уйти.

На следующий день Валера не появился, не появился он и через день, и через два. Симка тоже не появлялась. Я сначала разозлилась, потом подумала, что стоит мне самой к ней зайти. Симка не то ужинала, не то еще только собиралась, но в палисадник все же вышла.

– Чего не заходишь?

– А то ты не знаешь? – угрюмо отозвалась подружка.

Я вздохнула, вопрос глупый, конечно, но с чего-то же надо начать разговор.

– А у вас все, что ли? Больно быстро.

– Не знаю, – скрепя сердце выдавила я.

– Как не знаешь, коли уехал? – рассердилась Симка.

Я опустила голову и стала старательно рассматривать свои пыльные кеды, кеды как кеды, старые и пожелтели уже.

– Сим, а давай еще разок в пещеры слазим?

Симка от удивления только глазами лупала.

– Полезем, а? Только на этот раз фонарик обязательно бери, а я еще и кочергу возьму на всякий случай.

Симка подумала и кивнула.

– Вправду загадка века получилась, меня тоже любопытство берет, – скромно призналась она. Потом оглянулась по сторонам, словно в ее палисаднике мог прятаться отряд вражеской разведки, и продолжила шепотом: – Мне даже сон приснился про этих... про инопланетян, представляешь? А вдруг они там?

– Не чуди, Сим, нет там никаких инопланетян.

– А кто есть? – сурово допытывалась подруга.

– Да не знаю я!

– То-то!

Уговорились мы с Симкой в субботу на семь часов утра, она сама предложила так рано идти, чтобы «никто не застукал», по ее выражению. Я согласилась, мне чем раньше, тем лучше. Конечно же она проспала, прибежала в восемь всклокоченная, заспанная и с пустыми руками.

– Вот как хочешь, Симка, а я не пойду с тобой! Чеси домой, возьми фонарик и пару бутербродов хотя бы.

– Ага, разбежалась, бутербродов, так мне мамка их и даст!

– Да что ж она жадная у тебя такая, что ей два куска хлеба жалко для собственной дочери? – сделала я удивленный вид.

Симка посопела малость, но, видя, что я не намерена ей на этот раз потакать, поплелась за припасами.

Дорогой Симка трещала как заведенная. К немалому удивлению, я узнала, что Ромка с Галочкой никуда из деревни уезжать не собираются. Более того, оказывается, Ромка уже устроился работать на пилораму.

– Как-то это все странно, а как же город? Ромкина мать хвасталась, что квартиру ему там дали, мол, не надо больше деньги тратить на чужое жилье.

– И не квартиру вовсе, а комнату в коммуналке, – перебила меня подружка.

Так мы болтали почти до самых пещер, потом Симка примолкла и стала озираться. В первую пещеру мы залезли легко, лаз вроде бы еще шире стал, а подойдя к тому месту, где был ход во вторую, выпучили глаза. Хоуда не было. Непонятно кто тщательно, большими камнями заложил его да еще для крепости цементом замазал.

– Какой гад это сделал? – слегка дрожащим не то от удивления, не то от злости голосом громко спросила Симка.

В ответ сверху на нас просыпалась тонкая струйка песка.

– Тихо! – прошипела я и дернула ее за руку.

– А что? – не сдавалась она.

– А то, что обвал своим криком сделаешь.

Симка вздохнула и полезла назад. Я задержалась немного, посветила по стенам, но нигде никакого прохода не заметила, а ведь был же еще и второй, мы именно в него тогда полезли сдуру, а теперь от него и следа не осталось.

– Ну что?

– Кранты, Симка, от второго хода даже метки не осталось, некуда теперь лезть.

– Зря ты, Тонька, кочергу тащила, – захихикала она. Потом, отбежав от меня на несколько метров, вдруг крикнула: – Айда купаться!

Странно, но мне послышалось эхо. Я стояла, раздумывала и вертела головой, а Симка уже раздевалась. Я тоже заспешила, скинула футболку, джинсы и в стареньком, выцветшем купальнике, что мне мать купила еще в восьмом классе, полезла в воду. Догнала Симку и макнула ее поглубже, как раз оказалось для этого подходящее место. Она вырвалась, завизжала, стала брызгаться, но у меня это лучше получалось. Мы вопили, кувыркались, но я нет-нет да поглядывала на берег – мне все время слышался какой-то отзвук. Накупавшись внаглую, повалились на травку. Вскоре я стала одеваться, Симка удивилась, но я отмахнулась и полезла вверх обследовать разросшийся куст: нет ли за ним чего? Симка, хоть и повертела пальцем у виска, все же следила за моими поисками с большим интересом. И я таки нашла ее, эту щель проклятую! Сначала мне было сомнительно, что я в нее влезу, уж больно узко, но голова и плечи прошли легко.

– Подожди, – засопела сзади возбужденная Симка, – боязно же, давай сначала посветим фонариком.

Предложение было хорошим, однако неосуществимым, лаз изгибался под углом, и пятно света упиралось в глинистую стенку.

– Елы-палы, не видно же ничего! – расстроилась подружка. Ее явно охватил азарт первооткрывателя, и она ринулась лезть первая.

– Эй, эй! – придержала я ее. – Тут может быть опасно, кто-то же облюбовал это место.

– Думаешь, медведь там? – округлила Симка глаза.

– Какой медведь, Сим? Он, что ли, по-твоему, цементом лаз замазал?

Несколько метров мы ползли на карачках, потом ход расширился, но выпрямиться было нельзя, шли согнувшись несколько минут и вдруг уперлись в стену. Дальше хода не было.

– Вот черт! Да свети ты! – вполголоса воскликнула я и стала ощупывать преграду.

– Не поминай здесь лукавого, – испуганно проскулила подружка, послушно включив фонарик.

– Никакого цемента, все натуральное, не пройдем здесь, – разочаровала я себя и ее.

– И что, зря лезли?

– Пойдем назад, я буду ощупывать эту стенку, а ты ту, что-то мы пропустили с тобой.

Дверь опять же нашла я, грубую, из необструганного дерева. Открыть эту таинственную дверку не удалось, сколько мы ни пыhtели, Симка ноготь сломала, я – два, да еще занозу в ладонь всадила здоровую. Измучившись, мы вылезли на белый свет. Симка молчала, но глядела вопросительно.

– Инструменты надо брать, – поделилась я пришедшей мыслью.

– Топор, что ли? – деловито уточнила она.

– Да нет, какой топор. Хотя... может, ты и права, без топора не получится.

– И какой же гад понаделал все это? – гадала она обратной дорогой.

А мне пришла мысль, которая все больше меня тревожила и томила: а не в слишком ли опасное дело мы лезем?

Догадками о том, кто мог сделать дверь и зачем, а главное, что находится за этой таинственной дверцей, я развлекалась до вечера. Пару раз из-за этих мыслей невпопад ответила бабушке, пока не получила от нее хорошую отповедь:

– Где летаешь, опять голову потеряла? Говорила тебе, что не будет никакого проку от этого городского прощелья!

Под окном кто-то засвистел.

– Во, соловушка твоя прилетела, – продолжала ехидничать бабка.

Я вышла, кутаясь в драный бабкин платок и на ходу дожевывая пирожок. По другую сторону забора стоял Валера и смотрел на меня не сказать чтобы очень приветливо. Кусок пирога так и застрял у меня в глотке.

– Ты где целый день была, я два раза заходил к тебе!

Я чрезвычайно удивилась, почему бабка ни словечка не проронила мне об этом, но независимо ответила:

– На речке была, купалась.

– Не ври! Был я на речке, сам купался, да что-то тебя там не видел.

– Мало ли что ты не видел, речка длинная, разве ты всю ее обошел?

– Допустим, и с кем же ты купалась?

– А тебе что за печаль?

Валера опешил:

– Разве ты не со мной гуляешь?

Почему-то мне было приятно это услышать, но сдаваться я пока не спешила.

– Сама не разберу, с тобой или нет. Уехал куда-то, а мне ни гугу, не попрощался даже.

– Думал, за день обернусь, да не вышло, а тебя брать без толку, да и работаешь ты.
– Работаю, – подтвердила я. – Как же без работы, а ты нет, что ли? Больно отпуск у тебя длинный.

– Что-то ты мне сегодня не нравишься, завтра зайду, может, сговорчивее будешь, – после продолжительного молчания буркнул Валера.

Но назавтра, как обещал, он не пришел, я промаялась весь вечер в палисаднике, напрасно комаров кормила. А ночью Валера мне приснился. Что происходило во сне, не помню, помню только, что такой он был там хороший да ласковый, словно самый дорогой мне человек.

Как на работу пришла, так на меня и посыпалось! Сначала заглянул глава, Петр Семенович. Он то ли всегда сердит на меня, то ли глядеть ему на меня противно, но только в лицо мне не смотрит никогда, отвернется и цедит слова, словно деньги в долг дает.

– Семинар завтра в районе, велели явиться.

– Какой семинар? – удивилась я такой новости.

– Обыкновенный, какой всегда бывает.

– А почему я ни про какие семинары не знаю?

– Потому что не сообщал я тебе ничего про них, – очень буднично ответил глава. – На чем ты на этот семинар поедешь, а? Уж не думаешь ли, что я тебе мою машину дам, а сам пешедралом пойду?

– Так и сейчас бы не говорили, зачем?

– А сильно злятся они там на тебя, – с удовольствием объяснил мне Петр Семенович, – аж раскричалась тетка твоя, которая по культуре, забыл, как зовут. Короче, завтра полдевятого подходи к моему дому, захвачу тебя с собой, обратно – на попутке доберешься.

Я только покрутила ему вслед головой. Уже после работы, когда я прикрепляла на дверь бумажку, что меня завтра не будет, прилетела Симка. Прочитала бумаженцию, обрадовалась сдуру:

– С утра завтра полезем, да?

– Не знаю, куда ты полезешь, а я в район.

Симка надула губы.

– Ну ведь договорились же! – Но тут до нее наконец дошло про район, глаза подружки моментально заблестели. – Ой, ты едешь, да? И с кем, с Валерой? А зачем?

– С Петром Семеновичем, он меня подвезет.

Услышав про семинар, Симка заметно поскучилась.

– Ну наконец-то Черныши изволили явиться!

Мое жалкое объяснение, что мне не на чем приехать, было отмечено категорически. Следующие три часа я провела в сложной борьбе с сонной одурью и недоумением. Ничего нового и дельного я не услышала. Хорошо хоть не уснула. Когда все закончилось и основная масса потянулась к выходу, я потрусилась за ними. Спустившись вниз, толпа стала растекаться на отдельные ручейки. Я растерялась, но тут меня окликнула одна из женщин с полным румяным лицом и в удивительно пестром платье:

– Ты ведь Кострикова Тоня? Чернышовская, да? Я не сразу тебя заметила, но потом гляжу, знакомое лицо. Ты что же, не узнаешь меня? – Я отрицательно покачала головой. – Да я ж Головкина Аделаида, в Печорах клубом заведу, ну и библиотекой, само собой, у нас-то все едино, а не врозь, как у вас. Да я у тебя и в библиотеке была, ну, с комиссией, помнишь?

Я обрадованно закивала.

– Пойдем-ка, Тоня, чайку попьем или водички какой, страсть как пить хочу, прямо глотка вся пересохла.

Немного денежек у меня с собой было, я взяла себе в буфете стакан холодного чая с лимоном и маленькую булочку с кунжутом, очень уж есть захотелось. Аделаида потом пошла искать своих, у нее было местечко в чьей-то машине. Я вздохнула, проводила завистливым взглядом их запыленный «козлик» и побрела на окраину ловить попутку. Ловила я ее долго. Может, слишком робко руку поднимала или не внушала никому симпатии, но никто не хотел останавливаться.

Когда же наконец возле меня затормозила машина, я даже заморгала от удивления.

– Садись, тебе куда?

– В Че-черныши, – с трудом выдавила я из себя.

– Хорошо, по дороге, значит.

Кое-как я залезла в машину, оказавшуюся неожиданно высокой, и примостилась на сиденье.

– Тебя как зовут-то? – спросил мужчина, трогаясь с места.

– Тоня. Кострикова Тоня.

– Надо же, – удивился он, – редкое имя, у меня ни одной знакомой с таким именем нет, ты первая будешь.

Мне показалось, что он смеется надо мной, и я покосилась в его сторону. У него оказалось крупное лицо с сильно загорелой кожей, коротко стриженные волосы с проседью на висках, черные небольшие усы, и он вправду улыбался. Видно, заметил, что я его изучаю.

– Ну что, нравлюсь я тебе?

С перепугу я начала что-то блять, но он успокоил:

– Да шучу я, чего ты так всполошилась? Приятно же подвезти молодую красивую девушку, вот и настроение хорошее. Меня, кстати, зовут Александр Николаевич Самойленко, хоть ты и не спрашиваешь.

Я сидела пунцовая до самой шеи, до того он смутил меня своим неожиданным комплиментом, невольно мне что-то от этого стало, хотелось возразить.

– Разве ж я красивая?

– Конечно, – незамедлительно последовал уверенный ответ, – а что, кто-то думает иначе? Не верь ему, просто у него испорченный вкус.

Теперь мне сразу захотелось заплакать или лучше провалиться куда-нибудь, и я почти шепотом проговорила:

– Нога у меня.

– Что – нога? – насторожился Александр Николаевич и, отвлекшись от дороги, посмотрел на мои ноги.

Я натянула подол на колени, мысленно выругав себя, что поехала в юбке, а не в брюках, но старые мои джинсы не таковы, чтобы ехать в них на семинар.

– Ноги как ноги, не придумывай. Вы, девчонки, любите сочинять себе страдания: то нос не такой, то глаза, то ноги. Носи, что Бог дал, и держи выше голову!

От такой отповеди я пришла немного в себя и сумела объяснить:

– Нога была у меня сломана и срослась как-то неправильно, вот и прихрамываю иногда.

– Ну, это ерунда, но все равно жаль, а поправить нельзя?

– Что? – растерялась я.

– Ногу твою, операцию какую-нибудь сделать, это ведь не проблема в наше время.

Я задумалась. Как-то раньше мне никогда не приходило в голову, что беду мою можно поправить, думала, что так и мыкаться мне до самой смерти.

– Деньги нужны, наверно, большие, – рискнула я предположить.

– Сколько-то нужно, конечно, как же без этого? Ну а что родители, неужто не дадут?

Я приуныла:

– Какие родители?

– Ну-ну, родители у всех есть, или ты сирота горемычная?

Я опять заалела, поражаясь тому, как ловко удастся этому человеку несколькими словами вгонять меня в краску.

– Чего примолкла, есть у тебя родители или нет?

– Есть, мама и бабушка.

Этого ему почему-то показалось мало.

– А отца нет?

– Отца нет, отчим только.

– Только! Это же мужик! – обрадовался неизвестно чему Самойленко. – Вот пусть он и даст денег тебе на операцию.

Я возмущенно завозилась, подол юбки немедленно пополз вверх, пришлось опять за него хвататься.

– Как же, даст! Да он мне скорее вторую ногу сломает, чем хоть на рубль раскошелится!

– Ишь ты, суровый он у тебя, однако, мужик! – присвистнул Александр Николаевич.

– Слава богу, не у меня, у матери, я с бабушкой теперь живу, – не удержалась я от пояснений.

Он опять внимательно и цепко посмотрел на меня, но ничего не сказал.

Мне вспомнился робкий, виновато-обожающий взгляд, каким мать смотрит на отчима, и в очередной раз сердце захлестнула едкая горечь пополам с жалостью.

– Показывай, где бабушка твоя живет?

Я очнулась и с удивлением увидела, что мы уже в Чернышах, ничего себе, быстро доехали, с ветерком.

– Сколько я должна? – стесняясь и потому хрипло, спросила я.

– Э-э, милая, да у тебя денег не хватит расплатиться со мной.

Я испуганно уставилась на него и обнаружила, что он смеется.

– До чего же ты пугливая, прямо ничего сказать тебе нельзя! Беги домой, я по этой трассе часто езжу, может, и увидимся еще когда.

Я скомканно его поблагодарила и выбралась из машины, чуть не упав, потому что забыла, какая она высокая. Александр Николаевич ловко поддержал меня под локоть, перегнувшись через сиденье. Я подождала, пока он развернется и уедет, помахала ему вслед рукой, обернулась к дому и чуть не упала вторично. На лавочке перед палисадником сидели Симка с открытым ртом и очень мрачный Валера. Мало того, еще в окошке маячила бабка, чье выражение лица тоже не сулило мне ничего хорошего.

«Да что же не везет мне так!» – мысленно простонала я, но приспособилась все же и постаралась принять независимый вид.

– Привет! Чего сидите, меня ждете?

Симка только икнула в ответ и округлила глаза еще больше.

– С кем это ты на джипах раскатываешь? – желчно осведомился Валера.

– Да не знаю, – небрежно отозвалась я, – из райцентра с семинара добиралась, мужик какой-то подвез.

– С мужиком незнакомым поехала, и не побоялась? – не то восхитилась, не то удивилась подружка.

– Что ж мне, оставаться там? Туда меня глава подвез, а обратно велел попуткой добираться, вот я и добралась, – попробовала я разрядить обстановку.

Лицо у Валеры посветлело, но Симка ухитрилась и тут напортить.

– Я гляжу, вы больно долго в машине сидели, – заявила она с подковыркой.

Я огрызнулась в ответ:

– Должна же я человеку спасибо сказать, подвез меня и денег не взял. – Увидев, что Симка продолжает многозначительно покачивать своей глупой головой, а ухажер мой опять потемнел, я влетела в калитку.

Ушла я от них лихо, но мне было не по себе. А тут еще и бабка раззуделась, что не дело, мол, молодой девушке садиться в машину неизвестно к кому, и если не возят меня туда и обратно, то нечего вовсе в райцентр ездить. Все мои смиренные объяснения, что на семинар я обязана являться, что меня и так ругали, бабке были что об стенку горох. Я расстроилась от всей этой воркотни и вскоре ушла посидеть, проветриться. Сижу, отмахиваюсь веткой от комаров, гляжу, Тимоха мимо идет, что ему в этой стороне надо, не пойму никак, а только то и дело я вижу, как он мимо идет. Может, к Наташке Зареченской похаживает? А что, все может быть, Кольку же ее очередной раз посадили, а без мужика она долго не выдерживает.

– Давай мириться, – вдруг услышала я и от неожиданности вздрогнула.

Оказывается, пока я о чужих амурах размышляла, Валера мне под бочок присоседился. Болтали мы с ним больше часа, семечки грызли, у меня в кармане горсть завалилась, он анекдоты рассказывал, хоть и старые, а все равно смешные, я хохотала. Бабка два раза голову из окошка высовывала, потом, видимо, спать легла, свет везде погасила. Мы с Валерой тогда на сеновал подались. Я не хотела сначала, да он уговорил. Мне было стыдно, что так поддаюсь, но и радостно, что нужна ему. Потом я уж уходить собралась, а он вдруг спросил меня:

– Поедешь со мной?

– Куда?! – чуть не ссыпалась я вниз от неожиданности.

– Видно, мало меня любишь, если спрашиваешь.

Я еще больше удивилась и присела там, где стояла.

– Что, уж я и спросить тебя ни о чем не могу? Чудно как-то.

– В районе с тобой жить будем, я уже договорился и о жилье, и о работе для тебя.

Целая буря поднялась во мне от его слов, но спросила я спокойно:

– И какая же?

– Да ничего особенного, на молокозаводе работать будешь, не волнуйся, работа простая, ты справишься.

– А ты тоже там работать будешь?

– Нет, для меня работы подходящей пока нет, но я найду со временем себе что-нибудь, не переживай за меня.

– Я и не переживаю, – ответила я даже не деревянным, а каким-то жестяным голосом.

– Баб, ты на молокозаводе когда-нибудь была? – спросила я утром у бабульки.

– В Павлищах, что ли? Была.

– Легко там работать?

– Да разве легкая работа бывает? Может, только в конторе, но не возьмут тебя туда, там своих пруд пруди.

– Я и не собираюсь, так просто спросила.

– Спросила! А я тебе так скажу, Тонечка, лихо задумал твой дружок на твоей хребтине в рай въехать! Только рассчитал вот плохо, я жива еще покуда! – Бабка глядела воинственно, но губы у нее дрожали.

– Ну чего ты, бабуль, какой еще рай? Никуда я не делась, тут я. – И повертела в воздухе руками. Но мысль о жизни в райцентре продолжала меня грызть. – А может, и ничего, другие-то работают, а, баб? – закинула я удочку чуть погодя.

– То другие, а ты... – И, видя, что я недоверчиво качаю головой, бабулька ринулась в атаку: – Там вся работа на ногах, крутиться, вертеться надо, здоровому нелегко, а ты хрупенькая, болеешь часто, тебе тяжелее других будет.

Я поняла только, что она о ноге моей говорит, и тяжело вздохнула в ответ, всю жизнь мне эта нога испортила!

– Так зовет он тебя, щеголь-то твой?

– Зовет вроде.

– Вот то-то, что вроде. А сам-то где он работать будет?

– Не нашел пока еще, но найдет обязательно.

– Ах, Тонечка, детка, ежели б Митя мой жив был, разве дал бы он тебя в кабалу? А меня, старую, ты не слушаешь. – Бабкин голос задрожал, она зашмыгала носом.

Я посмотрела на нее с испугом: неужто и вправду плачет? Но глаза у бабки были сухие, только щека одна мелко-мелко дрожала. Я обняла ее, прижалась к старенькой поплиновой кофтенке, которую помнила с детства. Может, и не нужно куда от нее уезжать? Может, так и будем с ней жить-поживать и никто мне не нужен? Но как прожить без любви, без надежды на счастье?

Происшествие было нешуточным: внезапно объявившийся Александр Николаевич вдруг пригласил меня на концерт в областную филармонию. Я еще думала, что ответить, а Симка, оказавшаяся возле, уже загорелась ехать. Съездили. Неплохой был концерт, только неловко я себя чувствовала. Ведь совсем этого человека не знаю, да и старше он меня namного, и опять же, несвободная вроде я. Не то чтобы совсем уж виноватой себя перед Валерой считала, но все-таки, не надо было на концерт ездить. Но только я разогналась рассказать ему об этом во всех подробностях, как он меня прервал.

– Знаю, – только и буркнул, а больше ни словечком об этом не обмолвился.

Странно как-то. Он мне все про райцентр и про завод талдычит, а я, сколько ни думала, так ничего и не решила. Сердце пополам рвется: и Валеру обидеть не хочу, и бабку до слез жалко.

– Что ты мне про завод этот все расписываешь? Я, может, и не собираюсь туда.

Он умолк на полуслове, схватил меня за руку, в глаза заглянул:

– Ты что, серьезно? Ты не шути так, дело важное. Жить-то как будем, если ты на завод не пойдешь?

– Что ж мы, на мой только заработок жить станем? – тихо спросила я.

– А на чей?! – вызверился он, но взял себя в руки. – Ты уже не девочка, понимать должна. Работы у меня пока нет, но зато я о дешевом жилье договорился, для тебя работу нашел. Разве мало? Поработаешь, пока не родишь, а там и я себе что-нибудь найду.

Я оторопела:

– Как родишь? Я и не беременная еще, – густо покраснела.

Он отмахнулся:

– Забеременеешь, эка невидаль, я свое дело знаю, и ты о своих не забудь.

– У тебя же есть жилье, ведь ты же где-то прописан? – не нашла я ничего более умного спросить.

Валера резко повернулся ко мне:

– Слушай, да ты совсем... – он поискал подходящее слово, – ребенок, что ли? Неужели думаешь, что мои родители примут тебя в свои нежные объятия, если я тебя к ним из деревни привезу? Даже не мечтай об этом, на порог не пустят!

– Зачем же ты тогда на мне женишься, если меня даже на порог нельзя пускать? – сглотнула я уже близкие слезы.

Он смутился, взял опять мою руку, но тут же выпустил, сморщился страдальчески:

– Нравишься ты мне, вот зачем. Характер у тебя хороший, когда не капризничаешь, как сейчас. Да и на сеновале мы с тобой того... забыла, что ли? Ребенок, говорю, может быть. Не брошу же я тебя теперь?

Слезы уже катились из моих глаз, как ни силилась я их удержать.

– Как же, не бросишь, а про женитьбу и не говоришь вовсе, а я-то...

– Я ж сказал тебе, что с тобой жить буду, ну? Чего ты нюни распустила?

Тут я окончательно поняла, что жениться на мне он не намерен, и словно что-то с треском оборвалось у меня внутри. Я поднялась и, пошатываясь, как пьяная, пошла домой. Кажется, он что-то кричал мне вслед.

Бабка моя, наверное, что-то слышала, сидели-то мы возле самого палисада. Едва я вошла, как она возникла рядом и сунула мне кружку козьего молока. Я машинально выпила, не почувствовав никакого вкуса. Так же молча бабушка стала меня раздевать, тормошить и подталкивать к кровати.

– Рано еще ведь, баб.

– Ложись, ложись, может, уснешь, сон утешитель на все случаи, он и приголубит, и беду избудет.

Я легла, она пристроилась на краешке рядом и все гладила меня по голове и плечам легкой, немного дрожащей рукой. Проснулась я, как мне показалось, такая же, как и ложилась, с тою же тоской и тяжестью на сердце. Была суббота, и я с остервенением накинулась на всякую огородную и домашнюю работу. Бабулька тем временем баню истопила. После бани сели мы чаем баловаться.

– Ну и родишь, и вырастишь, ты ж сильная, умная, не какая-нибудь пустозвонка! – вдруг выдала мне бабка затаенную свою мысль, видно, с вечера все думала, молчала да мучилась ею.

Я промолчала, не в силах говорить об этом спокойно, боялась, что опять разревусь.

– Ну, То-о-нь, ну не злись, а? Ну что я сказала такого особенного? Спросила просто, спросить уже нельзя, да?

– Отвянь от меня!

– Злюка ты!

Я посмотрела в ее простодушное лицо, разве ей что объяснишь? Тараторит одно и то же, это Валера ее подослал, нашел себе посла, сам-то не приходит, а Симку послал.

– Слушай, а этот-то приезжал?

– Кто? – рассеянно уронила я, оглядывая сплетенный из ромашек веночек.

– Ух ты, красотища! А мне сплетешь? Да этот бандит.

– У самой руки не отсохли. Какой еще бандит? А-а, Самойленко, что ли? Вчера был.

– Иди ты! И что?

– Замуж звал, – небрежно так сообщила я, с любопытством наблюдая, как меняется Симкино лицо, отражая все степени и стадии изумления.

– Те-е-бя?!

– Ну не тебя же?

– Это ты издеваешься надо мной, да? Ну ладно, ладно, подруга называется!

– Да ты чего разошлась-то? Тебе-то что?

Симка вдруг стала багровой, вскочила и забегала по берегу.

Купающиеся неподалеку от нас ребятишки уставились на нее. Набегавшись, Симка плюхнулась возле меня и заревела. Утешать я ее не стала, побесится и успокоится сама.

– Всю жизнь ты мне загубила!

– Ну не всю.

– Ага, издеваешься! Кто Валеру у меня отбил? Ты! Отбила и бросила, не нужен стал. А Самойленко кто отбил? Ты, змея подколодная!

– Здравсте, Самойленко я у нее отбила, глядите-ка! Он что, к тебе подкатывался разве?

– А то нет! Шампанским угощал, икрой кормил!

– Так он нас обоих в театральном буфете угощал, вспомни-ка! Что ж ему теперь, на обоих из-за этого жениться?

Симка продолжала рыдать.

– Ладно, перестань, чего ты? Ты ж его не вспоминала и бандитом вон обозвала.

– Это ж я люблю! – простонала подружка и вдруг сменила тон: – А свадьба когда?

– Чья?

– Твоя же с Самойленко, дура ты этакая!

– Пусть дура, – быстро согласилась я, видя, что она опять начинает багроветь, – только не будет свадьбы.

Симкины слезы моментально просохли.

– Что, правда? Неужто отказала? И правильно, он тебе в отцы годится.

– А тебе? – начала я смеяться.

Симка мрачно глянула на меня, но не удержалась, прыснула. Когда мы отсмеялись, я рассказала ей, что Александр Николаевич уже был женат и у него есть двенадцатилетняя дочка, а жена разошлась с ним, уехала куда-то и ребенка увезла.

– А бабка твоя знает?

– Знает, но ничего мне не сказала.

– Во дает старая!

Я вдруг заметила, что кожа у Симки покраснела. Посоветовала ей побыстрее одеться и сама стала одеваться. Едва голова моя вынырнула из футболки, как я увидела такое, что заморгала от удивления. По берегу, чуть выше нас шел Мишка Хорек и обнимал за талию молодую длинноногую девицу, что-то нашептывая ей в ухо. Та звонко смеялась.

– Смотри, смотри! – схватила я Симку за руку.

Симка презрительно сморщила нос:

– Ну и что? Это ж сестра Татьяны Ивановны, которая перваков учит.

– Да я тебе не про нее, а про Хорька.

– Тю, глаза бы мои на него не глядели, ирод!

– Да как он смел появиться здесь?

– А кого ему бояться-то, тебя, что ли? – И Симка насмешливо посмотрела на меня.

Что-то тут явно было не так.

– Да он же преступник! Он у Тимохи дом поджег, а теперь ходит как ни в чем не бывало.

У Симки от моих слов рот приоткрылся.

– Ты что, Тонька, рехнулась? При чем тут Хорек, когда Тимоху Наташка Зареченская подпала?

– Наташка?! Да ей-то зачем?

– А Хорьку зачем?

Я начала горячиться.

– Ну как же! Ты что, Симка, позабыла разве, ведь именно Тимоха тогда не дал Хорьку побить меня. Ну у клуба, помнишь?

– Ты, подруга, как на Луне живешь, ничего не знаешь. Наташка-то уж давно подкатывалась к защитничку твоему, на шею вешалась при всех.

Я отмахнулась нетерпеливо:

– Ну и что? Она всем мужикам на шею вешается, кто не скидывает, тот и ее.

– Э, Тимоха у нее на особом счету, она за него еще поперед Кольки своего замуж хотела, а он не взял, вот она и бесится. Наташка еще лет пять назад ему петуха подпустить хотела, да не вышло тогда.

– А чего он ее замуж не взял? Она ведь симпатичная, Наташка-то.

– Да разве его поймешь? Он же чудной, а может, Федосья ему не велела. Только я думаю знаешь что? – И Симка, наклонившись, зашептала мне в ухо: – Из-за тебя, уж больно сильно он тобой увлекается.

Я отшатнулась:

– Ты что, Симка, больная, что ли? Да мне тогда сколько лет-то было?

Она шмыгнула носом и пошлепала губами, подсчитывая что-то в уме.

– Годов-то мало, это верно, может, он ждать тебя собирался.

От этих ее предположений я почему-то почувствовала себя оскорбленной.

– Попробуй только, еще раз скажи, так тебе врежу, что заикаться начнешь!

– А что тогда? – Симка, хитренько посматривая на меня, на всякий случай все же отодвинулась.

– Да ничего! Просто Тимоха всегда к бабке моей хорошо относился. Ведь она в деревне единственная, кто с его теткой дружит.

– То бабка, а то ты.

Расставшись с Симкой, я пошла домой и возле калитки столкнулась с Тимохой. Он, как ни странно, выходил от нас. Увидев меня, расплылся в улыбке и неожиданно галантно уступил мне дорогу.

– Черт знает что! – выругалась я в сердцах.

Лицо его тут же приняло вопросительное, можно сказать, настороженное выражение. Я махнула рукой: ничего, мол.

– Баб, чего это Тимоха к нам приходил?

– Ко мне приходил, – поджала она губы.

– А зачем?

– На спрос, а кто спросит, на том черти катаются, – проворчала бабка, но потом сменила гнев на милость: – Черники целое лукошко принес, ты ж любишь ее.

– Ага! – обрадовалась я. – И что, уже много ее?

– Много, сказал. И возле заимки, и на вырубке.

Я уставилась на бабку во все глаза:

– Кто сказал, Тимоха? И как это он сказал?

Она смущенно хмыкнула:

– Пошутила я, Тонь, не обращай внимание, – и отвернулась от меня.

Что за дела? Но за черникой хорошо бы сходить, Симку надо подбить на это дело, вот что!

Все уже было сказано, и не один раз, и упреков в мой адрес я выслушала столько, что на год вперед хватит, а он все на что-то надеялся. А что бы ему не надеяться, если я сижу рядом с ним на лавочке, мерзну и слушаю ругань его несправедливую?!

– Валер, ну на что я сдалась тебе? Что ты прицепился ко мне намертво, разве больше женщин нет?

– Ты хоть слышишь, что говоришь? Как будто вся моя забота в том, чтобы бабу себе найти. Да у меня их знаешь сколько? – Он тут же опомнился. – То есть могло бы быть, если бы я только захотел. А я вот все тебя уговариваю да уламываю, а ты как камень!

Я передернула плечами и встала.

– А ты не уговаривай, что я тебе, коза, что ли, или ребенок маленький? Ты предложение сделай, как полагается, руки и сердца, а то я только про работу слышу от тебя, а про любовь что-то ни словечка.

Валера тоже вдруг вскочил и расставил руки. На мгновение мне показалось, что он придушить меня намеревается или вlepить мне оплеуху.

– Я же говорил тебе, что мои родители ни за что...

– Да слышала я, слышала! – перебила я его. – Только что ж ты родителей не спросил, прежде чем меня на сеновале заваливать?

– Что-то я не заметил, чтобы ты против была! А теперь уж не знаешь, в чем еще обвинить? – От злости он совсем забыл, что мы рядом с домом и бабка услышать может. Голос его звенел металлом до такой степени, словно он не говорил, а резал меня. Я не отрываясь смотрела в его лицо. – Что ты уставилась на меня? Говори же, ну?! – Он уже тряс меня за плечи. – Сколько я времени на тебя убил, куклу бесчувственную, а теперь ты кобенишься?

От его последних слов мне стало легче, словно лопнул мучивший меня нарыв. Я и не вырывалась даже, смотрела в его перекошенное злобой лицо и удивлялась сама себе. Что я в нем такого необыкновенного находила? Ну да, красивый, и что? Разве заменит это доброту или любовь? Ничего ко мне он не чувствовал никогда, просто удобна была ему чем-то, а сейчас из себя выпрыгивает потому, что оскорблен отказом. Я почувствовала ожог пощечины на щеке слева, потом справа, голова мотнулась из стороны в сторону. Отскочив, я запнулась о скамейку, попятилась, но не удержалась и упала, сев с маху на землю, упершись спиной в забор и об него же крепко приложившись затылком. В голове загудело, как в колоколе. Валера стоял, пригнувшись надо мной, и смеялся! Вся кровь словно бросилась мне в голову, я себя не помнила. Схватив его за ногу, дернула на себя что было силы. Он упал и не смог сразу подняться, а я убежала домой.

На вырубку мы не пошли, а все из-за Симки, кто-то ей сказал, что на той стороне черники просто море.

– Так если близко от Печор, они там все и оберут, – пыталась я ее образумить.

– Ой, кому там обирать-то, одни старики и старухи остались.

Пришлось за реку идти, хорошо хоть Воровка совсем обмелела. Ягод было, правда, не так много, как Симка расписывала, но бидончик набрать удалось. Может, и второй набрала бы, да подружка змею заприметила, домой заторопилась.

– Вот если правда, что Бог все создал, то змеи ему зачем понадобились? – размышляла она вслух обратной дорогой. – Ведь нет от них никакой пользы, а уж противные, страх один!

– Уж больно ты горазда за Бога решать!

– А тебе змеи нравятся? Вот скажи, нравятся, да? – приступила она ко мне. Я только вздохнула в ответ. – То-то же! Ой, что это? – И она застыла, вперив взгляд в землю впереди себя.

Я опасливо отшагнула, неужели опять змея? Но, судя по тому, что Симка упала вдруг на колени и принялась шарить в траве, змеей это быть не могло.

– Гляди-ка, – удивленно проговорила она нараспев и поднесла раскрытую ладонь к моему лицу. На ладони, черной от ягод, лежал золотой крестик с разогнутой дужкой.

– Странный какой, – просопела Симка, рассматривая свою находку.

– Может, католический? – сделала я смелое предположение.

– Ну да, – не поверила она, – откуда? – взвесила еще раз на ладони и посмотрела на меня. – Тяжелый, попробуй. Вдруг золотой? – спросила с надеждой.

– Да, похоже на золото, но на золоте всегда клеймо ставят, поверни-ка.

Клеймо было, и Симка возликовала:

– Вот повезло-то мне! Да ты глянь как следует, на!

Но я не взяла и постаралась охладить ее пыл:

– Ты что, забыла, Сим, чужой крест в руки не берут.

Она сморщилась и отмахнулась:

– Да что будет-то? Не укусит же он меня?

– Укусит не укусит, но я не взяла бы.

– Это потому, что я нашла, а не ты, мне просто завидуешь.

Я заговорила о другом, решив ей не перечить. При переходе речки Симка оступилась и упала бы в воду, но я успела удержать ее за локоть. Она, видимо, не придавала этому значения. Я же подумала: а не начало ли это неприятностей? Мы остановились с Симкой там, где и всегда расставались после прогулок, я начала что-то говорить о следующем походе за ягодами, но тут из окошка показалась Чегодаиха, мы чересчур близко на этот раз подошли к ее дому.

– Стоит, лясы точит! – обратилась она ехидно к моей подружке. – Мать у нее там при смерти валяется, ногу себе напрочь оттяпала, а дочка и в ус себе не дует!

Симка охнула, уронила крестик в пыль, мгновение смотрела на него жалобно, однако не выдержала все же, схватила в горсть, побежала.

Я за ней, может, помочь чем надо.

– А уж кровищи-то, кровищи, целая лужа! – прокричала нам вслед вредная баба.

Во дворе и сенцах Симкиного дома толпился народ, в основном старые бабки. Увидев их, моя подружка побледнела и грохнулась бы в обморок, если бы я быстренько не подхватила ее. Двери в дом и в залу были настежь. Симкина мать, мрачная, с перевязанной ногой, сунутой в разношенную галошу, замывала пол, тряпка в ее руках имела красный цвет, да и на полу были кровавые разводы. Но удивило меня не это, а то, что Симкин отец, не обращая ни малейшего внимания ни на жену, ни на любопытствующие лица соседей в дверях, с блаженной улыбкой на грязной физиономии сидел за столом и наворачивал какую-то еду большой ложкой прямо из кастрюли.

– Дорвался-таки, ирод! – прокомментировал кто-то.

Поскольку стало ясно, что ничего ужасного не произошло и отпаивать корвалолом Симку не нужно, я пристроила подругу на стул и ушла. Позже она рассказала мне, что у них там тогда случилось. Ее отец, роясь по какой-то надобности, случайно нашел спрятанные матерью деньги, которые она откладывала на какую-то большую покупку. Нисколько даже не усомнившись в своем праве, папашка их взял, да и пропил с друзьями. Несчастливая обворованная жена, обнаружив пропажу заветной записки, призвала пьянчугу к ответу. Но тому хмель все еще туманил голову, поэтому каяться он не стал, наоборот, обложил жену цветистыми выражениями, да еще и обеда потребовал. Симкина мать, и так-то нрава скандального, тут и вовсе озверела: схватила топор и принялась бегать за мужем. Тот хоть и пьяный, но оказался проворнее, выскочил в окно, сметя с подоконника на пол цветы в горшках, которые жена так любила. Забыв о муже, она бросилась к ненаглядным своим цветикам, да впопыхах уронила себе на ногу топор. Топор был острым, плотничьим и довольно глубоко вонзился углом ей в ногу, потому и крови столько было. Далее Симка, хихикая, рассказала, что, пока мать плакала, ахала и обихаживала себя и дом, папашка, не будь дураком, вернулся в дом через окошко и вплотную занялся обедом. Я знала, что Симка отца больше любит, он никогда и пальцем ее не тронул, не то что мать, но все же меня покорило ее хихиканье. Моя бабка на удивление тоже захихикала в кулачок:

– Кровушку себе пустила, хорошо, может, поумнеет, а то орет как оглашенная, дело не дело.

Возвращаясь с работы, я опять встретила Тимоху у нашего дома.

– Баб, чего это Тимоха повадился к нам, чего ему надо? – крикнула я в сторону кухни.

В ответ – тишина. Нет ее, что ли? Но потом высунулась.

– Уж человек и в гости ко мне зайти не может? – осведомилась бабулька сухим тоном.

Что за дела у них могут быть? Попозже вечером, собирая на стол, она невзначай обронила:

– Федосья видеть тебя хочет, сходи к ней в субботу.

Я чуть не выронила хлеб.

– Меня видеть?! Зачем я ей сдалась?

– Вот сходишь и узнаешь, – отвернулась бабка, поправляя скатерть и не давая мне возможности взглянуть ей в лицо.

– А если я не пойду, что тогда?

Бабка живо вскинула голову и посмотрела на меня, поджав губы. Я вздохнула и потупила взгляд.

– Могут ведь у меня в субботу свои дела быть?

Бабка промолчала, но ее молчание устрасало больше, чем ругань.

Налегке идти, как я надеялась, мне не пришлось – бабка опять навьючила меня, положив в рюкзак соль, чай, муку и даже молодую картошку. Надо же, мы сами еще не попробовали, а Федосье – неси!

Вышла я рано, но росы почти не было, не иначе как гроза сильная сегодня будет. Сначала я шла весело, даже песенку мурлыкала, а потом стало мне казаться, будто кто-то идет за мной. Остановлюсь, ничего, все тихо, а как пойду, вроде крадется кто-то. Я с перепугу долетела до Федосьиной избушки в рекордные сроки. Она кивнула без улыбки, вид у нее был такой, словно я помешала ей. Вот, думаю, лучше бы я с Симкой опять по ягоды пошла. Но делать нечего, зашла в дом. Федосья как углядела розовую чистую картошечку, так усмехнулась.

– Спасибо за деликатес, – говорит, а сама так смотрит, словно знает, что я этой картохи для нее пожалела. И вправду ведьма!

Целый день у нее провела и ночевала, а что делала, помню плохо. Чай меня посадила пить, это помню, а к чаю какое-то хитрое варенье подала, по запаху так вроде малиновое, а вкус совсем другой, даже и не разберешь, из чего оно сварено. Потом она меня в баню повела, или это позже было? А ночью и вовсе чудно стало. Спать, помню, легла в кровать, а проснулась... в озере. Вода почти горячая, знакомые пузырьки со дна всплывают. Окончательно проснулась рано, ощупала все вокруг, лежу в обычной кровати, ну не странно ли?

Иду обратной дорогой, как вдруг на мужика наскокиваю, он нагнувшись за кустом стоял. Распрямился. «Здравствуй, птичка», – говорит. Мне его усмешечка не понравилась, и глаза недобрые, а больше всего встревожила мысль: что он тут делает? Здесь и дороги-то никакой нет. А мужик вдруг за руку меня схватил и молчит, но дышит часто-часто. Стала я вырываться, да куда там! Мужик некрупный, с меня ростом, но силища у него немереная. Со страху у меня даже сознание мутиться начало. А он вдруг цапнул зубами меня за ухо, да так сильно, что кровь брызнула. Это он хорошо сделал, потому как на меня такая злость накатила, что заехала я ему коленом в самое чувствительное место. Он замычал, согнулся, я пнула его – он и повалился, как пенек гнилой. Но удар не впрок оказался, за ногу меня уцепить попытался. Тогда я ему опять врезала и с одной и с другой ноги. Подобрала рюкзак, пошла своей дорогой, слышу, догоняет. Ну, думаю, вражина проклятый! Сук на глаза попался, не больно большой, но сгодится. Успела только разок в мужика ткнуть, зато прямо в лицо попала. Вдруг слышу, кричит кто-то. Глядь, а это Ромка, я даже от изумления ветку уронила. Этот откуда взялся? А Ромка на меня внимания не обращает, без надобности я ему, сразу шасть к мужику, и ну крыть его всякими последними словами! Называет его при этом Чиж. А ругает этого Чижа за пьянство, за то, что ушел без спросу.

Ночью я проснулась с отчетливой мыслью: это даже хорошо, что ничего у нас с Ромкой не вышло. Не нравятся мне его нынешние знакомства. Бедная его Галка.

Я усиленно зазывала Симку на бабкины пироги с малиной, но она не соглашалась.

– Да ладно тебе, пошли давай, чего ты? Не укусит тебя моя бабулька, а пироги такие вкусные получились, объедение просто.

Она заколебалась.

– А что за праздник у вас?

– Да так просто.

Симка встрепенулась.

– Ильин день же нынче! А еще отпуск у меня с сегодняшнего дня, – вздохнула я.

– Вот здорово! – порадовалась за меня подружка. – Только не больно ты веселая.

– А чего веселиться? Ну отпуск, и что? Как была дома, так и останусь в нем.

– А куда тебе надо-то? – удивилась она.

– Белые люди в отпуск далеко куда-нибудь ездят, на море например. Я не видала его сроду, а так хочется!

– То ж белые люди ездят, сама говоришь, а мы с тобой как негры какие, прости господа! – Теперь Симка завздохала. Потом, воровато оглянувшись по сторонам, подвинулась поближе и засвистела мне на ухо жарким шепотом: – Что скажу тебе... Только это секрет.

– Раз секрет, то и не говори, – попробовала я отодвинуться.

– Да ты слушай лучше! – зашипела Симка. – Галочка вчера хвасталась мне, мол, разбогатеют они скоро, большую денюгу зашибут. И шубу норковую ей Ромка купит, представляешь? Я так и обмерла вся!

Я нахмурилась:

– Вот как? И откуда же они у них возьмутся, деньги-то эти?

Симка важно завела глаза под небеса.

– Бизнес какой-то очень денежный.

– Ну да, бизнес, держи карман шире! Как бы с этим его бизнесом Ромке не загреметь туда, куда Макар телят не гонял!

Симка разозлилась:

– Тихо ты, сказано тебе, секрет, а ты орешь на всю деревню!

Я потащила ее за руку в дом:

– Пойдем, пирогов поешь.

Насилу она выпила у нас чашку чаю и съела один пирожок, настороженно следя за каждым бабкиным движением. Я не стала длить пытку, сказала бабке, что мы воздухом подышим, и пошли мы с Симкой на скамейку, захватив с собой по два пирога для поддержания сил и настроения. На скамейке Симка повела себя загадочно, стала вдруг ерзать и томиться. Я предложила ей посетить ближайшие кустики. От кустиков она решительно отказалась, но ерзать не перестала.

– Выкладывай давай, подруга, что у тебя там случилось?

В ответ Симка усиленно завозила ногами.

– Ну-у, точно я пока не знаю, но, может, скоро замуж выйду, – выложила вдруг безмятежным тоном.

– Не может быть!

– Чай, и я не хуже других. – Симка сделала вид, что обиделась, но кокетливый ее тон этому противоречил.

– Да потому, что не за кого тебе выходить! Ну вот за кого ты выйдешь, за Семку Банникова, что ли?

– Ты думаешь, что кроме Марсианина никто и не позарится на меня?! – теперь уже всерьез обиделась подружка.

Я больше не стала ее торопить, сама все выложит, не утерпит. И правда, помолчав для важности, она вымолвила:

– Познакомили меня тут с одним таким, в общем, ничего, симпатичный.

Я вздохнула:

– Сим, да ты объясни мне все, я же не знаю. Кто тебя познакомил и с кем? И не могло это знакомство быть давним, небось пару дней всего назад?

– Ну ежели и пару, то что? – дернула она плечом.

– Да больно уж быстро, Сим. За два-то дня разве узнаешь человека, чтобы замуж за него идти?

Она удрученно промолчала.

– Ты не молчи, Сим, ты рассказывай, что за человек такой, откуда взялся? Кто познакомил-то вас?

– Ромка, – выдавила она из себя, и вдруг ее как прорвало: – Его Леней зовут, правда, красивое имя? И знаешь, он такой высокий, сильный, а глаза голубые-голубые. Вот только рыжеват малость. Но это ничего, не страшно, а так симпатичный очень. Он мне туалетную воду подарил, французскую, в такой красивой коробочке, дорогая!

– А работает он кем?

– Не знаю, – беззаботно пожала она плечами.

– Ну вот, самого главного ты и не знаешь. А замуж он тебя звал?

Симка порозовела и потупилась.

– Не звал, но намекал.

Бабулька моя обычно по утрам редко бывает разговорчивая, а нынче и вовсе как воды в рот набрала. И на расспросы не отвечает, вон губы-то как поджала. Господи, твоя воля! Ведь сегодня же день рождения моей мамки! Как же это я забыла? Теперь мне понятно стало, с чего это бабка так пристально мою физиономию рассматривала.

– Ну, уразумела, наконец?

– Ой, вспомнила, баб, вспомнила. И что делать мне теперь, а?

– Ну вот! – опять осерчала бабка. – Твоя мать – твоя и забота, думай.

– Так разве я отказываюсь от нее, баб? Конечно, она моя мать, и я люблю ее, ты же знаешь. Эх, кабы она одна была, или хоть с другим кем, то я бы уж побежала сразу, но ведь в доме этот гад обретается, как же мне идти-то туда?

– Если бы да кабы, то росли бы во рту грибы, – проворчала в ответ бабка и вздохнула, отвернувшись. – Так не пойдешь, что ли? Не то я пирог испекла бы, а ты снесла бы ей, ведь мать она тебе все же.

Я силилась удержать подкатившие слезы, потому только головой покачала.

– Ну ладно, ладно, – услышав мое подозрительное шмыганье, пошла бабка на попятный. – Истинная твоя правда, хоть и притих он немного, только напьется ведь сегодня, зверь-то из него наружу и полезет, тогда уж беда, коли под руку ему подвернешься. – Бабка закончила свои показательные выступления, подняла крышку большой желтой кастрюли и потянула носом. Кастрюлю эту она использовала всегда как квашню, и я выпучила глаза, увидев в ней уже подошедшее тесто.

– Чего это у тебя, бабуль?

– Тесто, – спокойно пояснила та.

– Да я и сама вижу, что тесто. Зачем ты его завела-то? Я же сказала, что не пойду, значит, не пойду!

– И что же, теперь выбросить его прикажешь или как? Пробросаешься! Пирогов напечем, сами натрескаемся, да оглашенной своей снесешь. Ее мать уж сколько годов не пекла, некогда ей, все скандалы скандалит.

Бабка начала возню с тестом, а я ушла белье полоскать. Когда же вернулась, в зале на столе стояла большая миска пирогов с картошкой и грибами, изрядно сдобренных жареным луком, самые мои любимые! Но все же что-то не так уж их было много, я ожидала больше. Любопытствуя, заглянула в кухню и увидела, как бабка ставит в печурку аккуратный круглый пирог. Заморгала глазами и немедленно смылась. Ох, горе горькое, что делать? Хоть надвое разорвись! С бабулькой мы больше ни о чем таком не говорили, занятые домашними делами, но вечером занесло меня на кухню водички попить, с обеда во рту все горело, и я

увидела пирог. Он гордо красовался на лучшем бабкином блюде, обмазанный земляничным вареньем и сверху еще обсыпанный крошкой. Просто загляденье, а не пирог! Поглазев на это чудо кулинарии, я глубоко вздохнула и пошла переодеваться. Переодевшись, накрыла пирог чистой марлицей и направилась к выходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.